

Алхимия как будто и вправду свидетельствует о своей неизменности. И тогда *scientia immutabilis* — единственно верные про алхимию слова. О развитии же этой деятельности говорить тогда вовсе беспо, ибо единственное, что делает алхимик, это каждый раз заново рассказывает об одном и том же — о событии главном и однократном, а именно: как с помощью философского камня достигается оборотничество несовершенного металла в металл совершенный.

Тем не менее металл, главная субстанция алхимиков, в ходе трансмутации претерпевает эволюцию собственного совершенствования. Но совершенствуется таким образом, что остается... прежним; движется, пребывая на месте. Движение предмета оказывается видимостью движения, то есть глубочайшим покоем. Сам же алхимик, всдержитель этой эволюции, подобен и сообразен собственному предмету. Он тоже недвижим, хотя иллюзия движений готова обмануть нас, следящих за мельтешицами квазидвижениями оперирующего герметиста.

Между тем было время, когда алхимия возникла и началась, что уже само по себе изменение, да еще какое. Из ничего — не что. Наступило и такое время, когда некогда возникшая и начавшаяся алхимия исчезла. Из нечего — ничего. Да и сами алхимические тексты, коли внимательно в них всмотреться-вчитаться, тоже не одинаковы. Разве так уж похожа «Изумрудная скрижаль» Гермеса, например, на почти рациональные тексты, скажем, того же Роджера Бэкона; а последние — на фантазмагории карнавального Парацельса?! Мало похожи, хотя и то, и другое, и третье о том же.

Итак, те, чему быть вечным и неизменным, оказывается временным и бренным. В чем дело?

По-видимому, следует преодолевать парадокс ситуации в оппозиции: магистральная средневековая культура — алхимическая периферия этой культуры. Тогда сами по себе и первая и вторая крайности действительно неизменны, обязанные тем не менее происшедшими с ними изменениями бессодержательному союзу и, понятному как взаимодействие одного с другим; официального средневековья с алхимией. Взаимное передразнивание до... отождествления. Строго говоря, нет истории ни официального средневековья, ни алхимии как таковых: но есть история их взаимодействий. Вот почему, чтобы рассказать историю алхимии — а значит, и официального средневековья — нужно рассказать историю этого самого и.

Однако проблема, поставленная таким образом, рискует оказаться декларацией, если только не выразить ее в алхимических категориях. Следует сосредоточить внимание на движении самого предмета, оказавшегося в тяжелодумных глиняных руках алхимика и подвергнутого его же легкомысленному обсуждению. Развитие алхимии как развитие предмета — представлений о нем.

Переформулирую главную оппозицию, основанную на специфике алхимии как предметно-теоретической — номиналистически-реалистической — деятельности, располагающейся между химическим ре-